

В актовом зале гремела бразильская самба. Праздничный концерт ко дню рождения школы завершился выступлением танцевальной пары из одиннадцатого класса. Ира Шестова в своём жёлтом костюме, сверкающем стразами и блёстками, была великолепна. Сильно подведённые глаза, яркая помада и накладные ресницы делали её совсем взрослой. Высокий, широкоплечий партнёр вертел и крутил Иру, как игрушку, они летали по сцене в жгучем ритме барабанного боя, и зал захлёбывался аплодисментами. Лера Стрепетова из девятого «А» сидела сжав руки на груди и не могла оторвать взгляда от танцующей пары. От восторга трудно было дышать и хотелось плакать. Она даже не замечала, что её уже с минуту трясут за плечо и яростно шепчут:

— Стрепетова! Стрепетова-а!!! Лерка! Эй, оглохла, что ль?!

— Ну, чего тебе, Светка?..

— Да на что ты там уставилась?! Они третий год одно и то же танцуют! Лучше вон, повернись! Вон туда, назад! Где девятый «Б» сидит!

Чтобы отвязаться от подруги, Лера повернулась. Ну и что?.. Ромка Лагутин из параллельного класса. Как всегда — уставился в упор своими цыганскими глазами, сопит и молчит. И чего она там не видела, спрашивается?!. Лера дёрнула плечом и снова повернулась к сцене. Но самба уже закончилась, последние аккорды утонули в грохоте аплодисментов. Шестова и Герасимов кланялись, а на сцену, радушно улыбаясь, поднималась директриса — поблагодарить танцевальный дуэт «от всего школьного коллектива».

Из школы Лера с подругой вышли вместе. Ромка Лагутин стоял у ворот в компании парней, хохотавших над чем-то на всю улицу. Лагутин не смеялся. И Лера в который раз почувствовала себя неуютно под взглядом этих чёрных упорных глаз из-под густых, почти сросшихся бровей.

Лагутинские взгляды Лера Стрепетова ловила на себе уже второй год, и они её больше злили, чем радовали. А сегодня после самбы в школьном зале Лере было и во все не до молчаливого поклонника. В ушах до сих пор стучали страстные бразильские

барабаны, перед глазами мелькало жёлтое искрящееся платье и белозубая улыбка Шестовой. Сердце сжималось от давней, безнадежной тоски.

— Стрепетова, да что ты скисла? — пихнула её локтем Светка Глушко. — Было бы из-за чего... Шестова с Герасимовым с яслей вместе танцуют, уже «по мастерам» работают... ну, куда нам-то до них? Я же вот не расстраиваюсь! А мне сегодня ещё с Михой в поликлинику, и Варькиных пелёнок полный таз, и погулять с ней, а колесо у коляски соскакивает! И памперсы надо купить, и кашу сварить, пока мамка поспит! А то всю ночь Варьку на руках носила с её коликами! И Витьку, балбеса, во дворе отловить, чтоб уроки сделал! А отец со смены придёт, есть потребует! Ему-то что!

Лера только вздохнула. Её лучшая подруга была старшей дочерью в многодетной семье, и Светке для полного счастья вполне хватало часа тишины в квартире. Впрочем, и такого пустяка подруга, по её словам, не видела никогда. Но Глушко всё равно оставалась жизнерадостной, как весенний воробей:

— Наплевать! Повырастают же когда-нибудь, тогда и вздохнём с мамкой спокойно! Лерка, да повернись ты! Глянь, как Лагутин на тебя смотрит! Скоро дырку прожжёт! Улыбнулась бы хоть...

— Зачем?

— Как это зачем?! Жалко пацана, об-страдался! Ж-ж-жастокая ты, Стрепетова, ужас просто!

— Чушь не гони! — рассердилась Лера. — Скажи лучше — шторы сегодня приносить?

— Ты уже дошила?! — обрадовалась Светка. — О-о-о, молодец какая! Что значит — руки из правильного места растут, не то что у меня! Вот мамка рада будет! Нет, ты пока не неси — а то она заметит, и сюрприза не выйдет! Я сама зайду и заберу! Ой, вон автобус! Ну всё, Стрепетова, пока! Я за памперсами поехала, а то до поликлиники с Михой не успею, Галинванна сегодня до четырёх, а прививочный кабинет... Сто-о-ой! Стой, подожди-и, говорят тебе! Забери многодетную-ю-ю!

Автобус уже отходил, но Глушко лихо, как джигит в седло, вскочила в него — и укатила за памперсами.

Оставшись одна, Лера вздохнула с облегчением. Обычно она огорчалась, когда приходилось идти из школы без Светки, но сегодня болтовня подружки только раздражала её. Острая тоска ещё стояла в груди, и Лера шла медленно, словно боясь её расплескать.

Конечно, Глушко права, и до Ирки Шестовой ей, Лере, как до луны пешком. Что с того, что она уже давно мечтает о баль-

ных танцах? Конечно, чтобы танцевать, как Шестова и Герасимов, нужно было заниматься с младенчества, без конца тренироваться, репетировать, ездить на конкурсы и даже выигрывать их. Всё это Лера знала. Ещё два года назад она рискнула подойти в школьном коридоре к блистательной Шестовой и срывающимся от волнения голосом спросить — где можно научиться так танцевать? Шестова посмотрела на неё, как на раздавленную гусеницу, и сквозь зубы процедила:

— Танцевать хочешь, конопатая? В Дом культуры иди! Там для таких убогих курсы открыли! Может быть, ещё пенсионера с костылём себе в партнёры подберёшь!

Подруги Шестовой расхохотались. Залившаяся краской Лера поспешила убраться. Светка Глушко долго ругала «выпендюху» и «стервозину» Шестову, но в Дом культуры подругу отправила чуть ли не силой.

«Попытка — не пытка, сходи да узнай! Хуже-то не будет! Хочешь — с тобой пойдёшь? Только Миху придётся с собой взять, девать-то некуда».

Но Лера отказалась: не хватало только тащить с собой на буксире вечно сопливого Миху с его погремешкой... Для солидности она влезла в туфли на каблуках, накрасила губы и тронулась в ДК.

Танцевальные курсы она нашла сразу: звуки вальса разносились по всему второму этажу. Лера пошла на музыку и через минуту уже осторожно заглядывала в полуоткрытую дверь, за которой вертелись по паркету пары. Это оказались совсем маленькие мальчики и девочки — второй класс, не старше. Но малышки были одеты в разноцветные платья и туфельки на каблуках, волосы у всех стянуты в аккуратные пучки на затылках, а мальчики в строгих чёрных брюках и блестящих ботинках. Они танцевали вальс, фокстрот, самбу, рок-н-ролл и снова вальс... а Лера смотрела на них, представляла, как эти детишки будут танцевать к её годам, и чувствовала, что слёзы подступают к горлу. Сейчас она казалась самой себе древней старухой, упустившей в жизни все возможности.

Поговорить с дамой-тренером, рассказывающей среди своих питомцев на высоких каблуках, Лера так и не решилась. Вместо этого осторожно вытянула из пластикового конвертика на стене листовку. «Бальные танцы для начинающих! — гласила она. — Любой возраст, любой уровень подготовки! Вы хотите танцевать? Приходите к нам!!!» Обрадовавшись, девочка взглянула на цену занятий — мелким шрифтом в конце листовки — и со стоном прислонилась к стене.

Домой она вернулась мрачнее тучи. Светке не стала даже звонить и до вечера проревела на кухне. Однако к восьми часам, когда отец должен был вернуться с дежурства домой, все следы страданий были ликвидированы. Лера понимала: таких денег у папы всё равно нет, а раз так — незачем ему настроение портить... У кардиохирурга в районной больнице и так работа нервная.

Ещё с неделю Лера лазила в Интернете по танцевальным сайтам, надеясь отыскать в Москве курсы подешевле. Но высокие цены были повсюду. А когда Лера взглянула на стоимость профессиональных костюмов и обуви, ей чуть не стало дурно. Для этого нужно было быть дочерью не врача, а директора нефтяного завода. Но даже если бы она и добыла откуда-то денег и купила бы себе это всё — что толку? Время упущено безнадежно, и танцевать самбу и рок-н-ролл так, как вредоносная Шестова, она, Лера Стрепетова, не сможет никогда.

Всё же Лера не сдалась: скачала из Интернета целую обойму латиноамериканских хитов и нашла программу по обучению танцам. Костюм Лера сшила себе сама: уж что-что, а это она умела. «Хоть хлеба кусок в руках будет!» — приговаривала когда-то бабушка, сажая крошечную

внучку за швейную машинку и показывая, как заправлять под «лапку» ткань и вставлять нить. К четырнадцати годам Лера получила на день рождения от отца великолепную швейную машину и оверлок. Теперь она могла сшить что угодно — от кисейных занавесок в спальню до пальто. А уж сварганить из блестящей ткани коротенькую юбочку «под латину» было вовсе парой пустяков.

Базовые движения самбы были кое-как выучены. Для того чтобы в одиночестве выплясывать дома перед зеркалом и крутить попой на школьных дискотеках, этого хватало. Но Лера понимала — всё это ерунда, и профессионального уровня ей не видать как своих ушей. Хорошо Шестовой, у которой отец работает в мэрии, а мать — тренер по танцам, знаменитая Мария Багирова... Лера несколько раз видела её по телевизору. И саму Шестову, конечно, видела тоже — они с Герасимовым уже всюю выступали «по мастерам» и даже брали призы и кубки... Помнится, Ирка даже давала интервью в «Спортивных новостях» и дрожащим голосом, явно подражая кому-то, благодарила своих родителей за то, что они всячески помогали ей и поддерживали, и чуть не с соской во рту водили на занятия, возили по конкурсам, покупали костюмы, и... Да что там говорить. Повезло девчонке...

А вот её, Леру, в детстве даже некому было водить на занятия. Отец работал с утра до ночи, и прямо из школы Лера напрямую отправлялась в ателье к бабушке. И делала там уроки среди лоскутов, тесёмок и огромных рулонов ткани под стрёкот швейных машин. Какие уж там были танцы, какие занятия... Но, вспоминая своё «портняжное» детство, Лера ни о чём не жалела. Бабушка была добрая и ласковая, от неё пахло духами «Лесной ландыш» и песочным печеньем. Своими мягкими морщинистыми руками она творила чудеса над куском материи, превращая его то в супермодные брюки, то в юбку-клёш, то в «принцессино» платье с кружевами для внучки. А портнихи закармливали Леру конфетами, дарили пёстрые лоскутки, могли в две минуты свертеть из этих тряпочек смешную куклу или зверька и жалели: «Ой, бедный ребёнок, какво без матери-то расти...» Лера, слыша это, только пожимала плечами. Мамы она совсем не помнила. Только на фотографии, стоящей на столе у отца, она видела женщину со слабой улыбкой, тонкими бровями и рыжими волосами. «Самыми красивыми на свете», — неизменно утверждал отец. Лера с ним не спорила: он ведь любил маму... Но, ежедневно глядя на себя в зеркало и видя там веснушчатую и зеленоглазую физиономию

под рыжей копной непослушных волос, она только вздыхала. Какое уж тут «самая красивая на свете»... Матрёшка конопатая, и больше ничего — права Шестова...

Обуреваемая мрачными мыслями, Лера зашла в магазин на углу, купила продуктов на ужин и поволокла тяжеленную сумку домой. На улице было тепло, апрельское солнце грело почти по-летнему, и по дороге до дома девочка взмокла под зимней шапкой, как мышь.

В довершение неприятностей перед самым подъездом опять обнаружился джип Борова. Огромная чёрная машина перегородила дорожку, передними колёсами чуть не въехав на крыльцо, а задними удобно устроившись в клумбе с едва проклюнувшимися нарциссами.

— Ах ты, гад! Опять!!! — от возмущения Лера чуть не уронила сумку.

Жильца с третьего этажа по кличке Боров дружно ненавидел весь двор. Он был здоровым, богатым и наглым, владел какой-то строительной компанией в центре Москвы и посему считал, что ему всё на свете можно. Устрашающих размеров джип ставился перед подъездом в удобное для хозяина место, плотно загораживая проход. Иногда в машине включалась оглушительная музыка — тоже в удобное

ТАНЦУЙ, КАК ЗВЕЗДА

для Борова время. Чаще всего это было среди ночи, и во всём дворе не могли заснуть ни старики, ни младенцы. Главный пенсионер двора, полковник в отставке Геннадьич, громогласно ругался и обещал написать министру обороны — но дальше обещаний дело пока не шло. А может, министру было не до Геннадьича... Соседи ходили жаловаться в полицию, но Боров с участковым был на «ты», от заявлений граждан откупался — и всё оставалось по-прежнему.

Сейчас чёрный джип снова стоял впри-тык к крыльцу. Лера подумала, что протиснуться в подъезд мимо этого монстра она, конечно, сумеет. Но вот что будет делать Светка Глушко, когда соберётся в поликлинику вместе с Михой и его коляской? Михин экипаж и так было не просто спустить со ступенек, а уж теперь... Лера яростно посмотрела на блестящую машину. Огляделась. Маленький двор был безлюден, даже чахлый столик под липой, на котором вечерами пенсионеры под предводительством Геннадьича «забывали козла», ещё пустовал. И Лера решила. Мстительно сопя, она достала из сумки пакет кефира, отвинтила крышечку — и щедро залила ветровое стекло джипа густой белой жидкостью. Пакетов у неё было два, и другой Лера собиралась пустить на заднее стекло.

